

YAZILI ABİDƏLƏR
ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
WRITTEN MONUMENTS

АЛЕКСАНДР БОНДАРЕВ (Россия)*

«КИТАБИ ДЕДЕ КОРКУД»: ЭСТЕТИКА ЭПОСА И ЭТИКА РОМАНА

Резюме

В представленной статье рассматривается диалектическое взаимодействие эстетики эпоса и этики романа. На примере азербайджанского дастана средних вв. «Китаби Деде Коркуд» в статье изучаются результаты воздействия разрушающих исторических событий на область мифологии. Потребность в восстановлении поврежденной эпической целостности побуждает героя продемонстрировать свои интеллектуально-аналитические способности для сопротивления всем историческим захватам. Эстетические проблемы и этический подход превращают главного героя эпического произведения в беллетристический образ. Жанр романа возникает внутри эпического конфликта. Аналитический роман новой эпохи превращается в эпос для изображения в своей поэзии рая, потерянного в мировом эпическом статусе.

Ключевые слова: *эпическая эстетика, мифология, исторический, природа, общество, эстетическая поэтика эпоса.*

Статья «Эстетическое и этическое», помещенная в энциклопедическом словаре по эстетике, констатирует: «Как правило, любое общественное явление, поступок или мотив человеческой деятельности обладают одновременно эстетическим и этическим значением (ценностью) и могут быть оценены, с одной стороны, как прекрасное или безобразное, с другой – как добро или зло» [8, 425–426].

Как философские дисциплины эстетика и этика образуют коррелятивную пару, аналогичную паре эпос / роман [3, 15–25]. Эпос осознает свою эстетическую природу, глядя на себя глазами романа. Роман осознает свою этическую природу, глядя на себя глазами эпоса.

* Россия, Московский государственный лингвистический университет, заведующий кафедрой отечественной и зарубежной литературы, доктор филологических наук, профессор. E-mail: literatura_mglu@mail.ru

Дастан «Китаби Деде Коркуд» отражает встречу эстетики с этикой, эпоса с романом.

Эстетическое мироощущение и порождаемое им архаичное искусство зарождаются в недрах позднего палеолита, когда первобытное общество уступает место матриархальной родовой общине. Согласно данным, приведенным в исследовании Вильгельма Райха [5], растянувшийся на тысячелетия переход от матриархата к патриархату, а в сфере мифологии – от женского пантеона к мужскому, начался в эпоху неолита. Воспетая Гете «вечная женственность» («Фауст») составляет эмоциональное содержание глубинного пласта матриархальной культуры и переживается как природное начало жизни. Тиамат, женское божество шумерской мифологии, персонифицировала первичный мировой океан, обеспечивший биологические условия возникновения органической жизни. Теория спонтанного самозарождения жизни допускает возникновение биологических молекул из неорганических веществ. В ходе саморазвития экосистемы Тиамат победил в поединке Мардук, «сын мирового холма», ставший верховным мужским божеством вавилонского царства.

В «Теогонии» Гесиода Гея – родоначальница первого поколения богов, мать-земля, одна из четырех первопотенций – Хаоса, Земли, Тартара и Эроса. Она родила Урана-небо и, взяв его в супруги, произвела шесть титанов, шесть титанид, в том числе важных, с эволюционной точки зрения, Кроноса и Рею.

Ветхий Завет глубоко прочувствовал глубину конфликта между матриархатом и патриархатом, предопределившим мифолого-историческую проблемность отношений между мужчиной и женщиной. Библейский Яхве предрек согрешившим Адаму и Еве роковую судьбу: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим, и между семенем ее: оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятю» [4]. И поныне мужчину завораживает «вечная женственность», а женщину – вечная мужественность. «Семя Евы» поражает мужской дух, «семя Адама» – женскую природу.

Эстетика женственна, этика мужественна. Вещие слова, которые плененный Уруз адресует Высокорослой Бурле хатун, своей матери, проникнуты инстинктивным пониманием креативной роли жизнеобразующего родительского начала, лежащего в основе эстетики бытия и этики истории.

Если жив отец, будь здоров отец!
Если мать жива, будь здорова мать!
Если живы вы, отчего ж не быть
И еще одному ребеночку?
И еще такому же сыну, как я... *

* Здесь и далее перевод Аллы Ахундовой.

Гротескный переход от материнского права к отцовскому навязывает человечеству насыщенное драматизмом *промежуточное положение* между эстетическими законами природы и этическими нормами культуры. Эпические поэмы отражают этапы этого перехода. Выбирая вслед за Эдипом материнское начало, индивид отвергает «свободную нравственность самосознающей воли» (Гегель). Выбирая вслед за Орестом мужское начало, он попирает бытийное основание жизни [2, 131–181]. Воссоздающий природное бытие эпос эстетичен: «Основной закон всех образов богов есть закон красоты, – постулирует Ф. В. Шеллинг. – Ведь красота есть реально созерцаемое абсолютное» [6, 97].

Героические ахейцы «Илиады» отвоевывают у троянцев Елену Прекрасную – воплощение красоты природного мира. А поскольку тождество этического и эстетического символично, гомеровские поэмы символизируют единство идеальной и материальной, внутренней и внешней природы человека. В сцене «умерщвления Гектора» (кн. 22) поединок Ахилла с вождем троянцев изображается Гомером символически. Быстроногий ахеец и отважный троянец не уступают друг другу в доблести. Поэтому Зевс не в силах отдать предпочтение ни одному из них: глава бессмертных передоверяет судьбу поединка не своему божественному промыслу, а безличному жребию – исторической случайности. Зевс уклонился от необходимости вынести *этическую* оценку *символическому* событию.

Таковы универсальные законы эпического жанра, направляющие и сюжетную логику азербайджанских дастанов. Они поэтизируют символическое тождество природного и социального человека – его физическую и духовную красоту, богатырскую силу и сознающую волю.

«Китаби Деде Коркуд» («КДК») прославляет природно-эстетическую ценность индивида, пропорциональную древности его рода. Однако наряду с природной легитимностью крови заявляет о своих правах духовная легитимность воли, понимаемая как итог нравственного саморазвития личности. А это уже этический критерий: «Сын, шестнадцати лет ты достиг, а мужчиной не стал, – с прискорбием констатирует Газан хан, глядя на своего не торопящегося взростеть Уруза. – Головы не срубил, крови ты не пролил. У огузов почтенья ты не заслужил».

«Чистый», предшествующий роману, природный эпос не дифференцирует логического противоречия между частным и общественным интересом. Там, где герои «Китаби» борются за свою любовь, они выступают одновременно посланцами и природной эстетики, и человеческой этики. Отвоевание Гантуралы невесты Сельджан в поединке с быком, тигром и верблюдом, их совместная победоносная схватка с войском гяуров прославляется как торжество естественного закона, тождественного этическим нормам естественного родоплеменного права.

Требование консолидации зачатков государственности Великих огузов в целях противодействия внешней и внутренней агрессии – набегам гяуров и

междоусобным распрям - вводит в эстетическое пространство эпоса этические критерии добра и зла – патриотизма и предательства, отодвигающие спонтанное эстетическое мировосприятие на второй план. Возрастание роли мужского начала одобряется Дастаном как охранительная реакция правового сознания на разрушающие родовые связи центробежные тенденции. Всё, выступающее в защиту родовых принципов, которым волею истории суждено перерасти в государственные, прославляется как *добро*. Всё, посягающее на земли и уклад жизни огузов, будь то эгоизм или внешняя экспансия, осуждается как *зло*.

Исконно эстетический герой Дастана пребывает во вневременном состоянии «да», из которого его пытается изгнать деструктивизм гяуров, прозябающих в вечном состоянии «нет». Для восстановления временно утрачиваемого состояния «да», беку огузов предначертано стать этическим героем. Генезис романа как жанра отыскивается в переориентации сознания с эстетического отношения к природе на этическое отношение к обществу. Роман зарождается в недрах переживающего кризис «эпического состояния мира» (Гегель). Периодически предпринимаемые гяурами набеги превращают огузов в этических героев, вынужденных отвоевывать у неверных состояния «да», с оружием в руках возвращаясь в родные земли, восстанавливая привычный семейный уклад. Эти набеги, наряду с междоусобными распрями, порождают эпико-романное событие, располагающееся между онтологией эпоса и метафизикой романа.

Исторические провокации исходят либо извне – от гяуров, и тогда патриотизм эпически укрепляет родоплеменные отношения, либо изнутри, порождаемые аффектами гордыни и завистливого честолюбия. Тогда складываются условия для возникновения «романа как продукта распада эпоса». В «КДК» малодушная гордыня преодолевается подвигом волевого преодоления моральной слабости. Такой нравственный подвиг совершил Газан, поначалу привязавший богатыря Гараджу Чобана к дереву, но затем, устыдившись своего горделивого малодушия, превозмог, как и подобает альтруистическому герою, ослепившее его темное чувство и взял былинного богатыря с собой на отвоевание у Шюкли Мелика жены и сына – Высокорослой Бурлы хатун и Уруза.

Эпизодические по своей сюжетной функции персонажи, подобные бесплодной Гысырдже Енге или диковатому, искусанному клопами Дели Гарчару, – объекты снисходительной эпической насмешки Бейрека. Они трикстеры – пародийные дублеры, контрабандой вторгшиеся в героическое пространство эпоса, чтобы, с одной стороны, оттенить своим ничтожеством его «высокий миметический модус» (Н. Фрай), а с другой – обозначить эволюционную направленность мира от эпического состояния к романному. Они вызывают раблезианский смех былинных богатырей потому, что до поры не в состоянии поколебать эпико-эстетическую незыблемость платоновско-пифагорейской мировой гармонии.

На противоположном полюсе группируются посланцы разрушительной истории, провоцирующие реакцию всенародного противодействия. Таков травестийно коварный сын Лжеца-Яланчи – Лыстец-Ятарчук, пожелавший обманом жениться на прекрасной Банучичек. Восстановление эпического состояния мира достижимо благодаря либо ратному, либо интеллектуальному подвигу, в зависимости от смысла брошенного деструктивными силами вызова.

Изменчивая История вторгается в жизнь эпического героя в облике разрушительного события, побуждающего к размышлениям над его причиной и способами его усмирения. Такого рода рефлексия спонтанно генерирует *романный дискурс*, подменяющий эпический паратаксис романтным синтаксисом. Романная эпистемология дифференцирует и релятивизирует синтетический смысл вторгшегося события, указывающий на эволюционную, либо инволюционную тенденцию истории.

Такова имплицитная логика трансформации *пленного* эпического героя в романного. *Пограничная ситуация*, в которой он себя находит, вынуждает его признать, что его ратные возможности исчерпаны и ему предстоит самостоятельно найти выход из неприемлемого состояния «нет». Первая эмоциональная реакция женских слез и мужского отчаяния сменяется познавательным трудом вживания во внутреннюю диалектику события с целью принятия героического решения, восстанавливающего временно утраченное эпическое состояние. Однако, в отличие от когнитивной поэтики романа, изобразительная поэтика эпоса не вербализует процесс овладения героем смысла набежавшего на него события.

Джигит, борющийся за продление эпической традиции, вынужден проявлять не только способность к подвигам, но и проницательность, а порой и мудрость, претворяющую его хрупкую юность в мужественную зрелость. Таков Гантуралы, отважившийся завоевать полюбившуюся ему красавицу Сельджан.

На вопрос тагавура зачем пожаловал, Гантуралы, вызывая уважение своим этическим ответом, все же остается в границах эпической эстетики:

Я к твоей доброте и твоей широте прибегаю,
И как Бог повелел, как пророк нас учил, заклинаю –
Я пришел за себя твою дочь попросить.

«Этот мир на разумных держался и будет держаться! – размышляет он же, сражаясь с быком. – Чем стоять перед ним, упираться, не лучше ли мне отскочить и с тыла зайти?».

Навязываемый историей переход от эстетического бытия к этическому долженствованию направляет эволюцию мирового литературного процесса от эпоса к роману. Непосредственная онтология эпоса уступает место опосредованной метафизике романа.

В самом деле, Одиссей, в отличие от Ахилла, в большей степени человек морального долга, к исполнению которого призывает его статус мужа Пенелопы, отца Телемаха и царя Итаки. Без этого морального стержня ему не удалось бы достойно преодолеть череду испытаний: любовное наваждение нимфы Калипсо, амнезию лотофагов, животную чувственность Цирцеи, завораживающее пение сирен, Сциллу жизненных тупиков и Харибду психологических водоворотов.

Необходимость перехода от бытийной эстетики эпоса к рефлексивной этике романа выдвигается как требование ответа на вопросы, задаваемые уже не циклическим, а линейным временем. Императивы сверхличного должностования разрушают эстетическое «присутствие в мире» – Da-Sein (Здесь-Бытие М. Хайдеггера) эпического героя, символизирующего органичное единство частного и общественного, единичного и всеобщего.

Откликаясь на всемирно исторический призыв времени, дастан «Китаби Деде Коркуд» эволюционирует от природной эстетики эпоса к исторической этике романа.

Песнь первая повествует еще о сугубо природной заботе Дирсе хана, умолившего Аллаха послать ему сына, Бугач хана. Эпический сказитель не скрывает восхищения красотой молодых воинов, самим фактом своего существования прославляющих славное племя огузов: «Триста джигитов в одежде, золотом шитой, драгоценным камнем покрытой, зовет, вместе с собой берет. И сорок джигитов прекрасных, юных и ясноглазых Уруз за собою ведет» (*Песнь четвертая*).

Песнь двенадцатая прославляет уже охранительные усилия Ближних огузов, направленные на подавление сепаратистских тенденций, обозначившихся в среде Дальних огузов, которых Аруз бек подбивает на преступное неповиновение Газану – легитимному гаранту централизованной власти.

Поэтизирующая эстетика «Китаби деде Коркуда» защищает эпические ценности родоплеменных отношений: «Битва-священная – благословенна», – поет сказитель в эпилоге Песни четвертой.

Познавательная этика «Китаби деде Коркуда» обосновывает недопустимость исторического раскола на коллективный – патриотический и индивидуальный – эгоистический порыв: «В те времена сыновья отцов почитали, на одно отцовское слово двумя не отвечали. А тех, кто так отвечали, сыновьями уже не считали».

Этика входит в эпос как необходимость отстоять эстетические ценности бытия – отразить набег гяуров, вырваться из плена или найти остроумный выход из представляющегося поначалу безвыходным положением. Как реакция сознания на вызовы изменчивой истории этическое зарождается в архетипическом средоточии мифа. Согласно М. Эдиаде, «сами архетипы составляют некую “историю” в той мере, в какой они состоят из жестов, действий и предписаний, которые, хотя и считается, что были явлены *во время оно*, все

же были явлены, то есть рождены *во времени*, “явились” в том же смысле, как и любое другое историческое событие» [7, 137–138].

Если бы деструктивное историческое событие не посягало на эстетическую ценность мифа, эпический герой не восстанавливал бы неизбежность эпического состояния мира.

Если бы миф не обнаруживал в историческом событии его деструктивность, романый герой не обретал бы в архетипе моральные силы для преодоления своей исторической бесосновности.

Такова диалектика эпической эстетики и романной этики, воссозданная в «КДК» сказителем Деде Коркудом. Поскольку эпос возник как памятник устного народного творчества, а роман – как продукт письменной индивидуальной культуры, пронизательными звучат суждения Камала Мехти оглы Абдуллаева относительно жанрового и мировоззренческого взаимодействия эпического Мифа и романного Письма в «Китаби Деде Коркуд». Растянувшийся на века переход от коллективизма эпоса к субъективизму романа был отмечен утратами и обретениями: утратой эпической непосредственности и обретением романной опосредованности, на новом интеллигентном уровне возвращающей бесосновного романного героя на его вневременную мифологическую родину: «От чего огузы отошли, к чему они приблизились? – задается вопросом Камал Абдулла. – Отдалившись от мифического мира чистоты и веры, героизма и мужества, они вступили в сложную, упорядоченную, полную психологических перегрузок сферу Письма.<...> Огузы не просто и не сразу пришли в мир Письма, а вступили в него, бережно неся в своем сознании часть великого и бесценного опыта Мифа» [1, 322].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдулла Камал*. Тайный «Деде Коркуд». – Баку, Мутарджим, 2006.
2. *Бондарев А. П.* Тема и проблема. Диалогическая поэтика. Теория и история литературы. – Учебное пособие для студентов разных специальностей. – М., ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2016.
3. *Бондарев А. П.* Эпос и роман. Мифология. История. Человек: Литература Великобритании и США. Учебное пособие – М., ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014.
4. *Библия*. Первая книга Моисеева. Бытие.
5. *Райх В.* Психология масс и фашизм. – М., АСТ, 2004.
6. *Шеллинг Ф. В.* Философия искусства. – М., Мысль, 1966.
7. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Космос и история. – М., Прогресс, 1987.
8. *Эстетика: Словарь*. – М., Политиздат, 1989.

Aleksandr Bondarev

“Kitabi-Dədə Qorqud”: eposun estetikası və romanın etikası

Xülasə

Təqdim edilmiş məqalə eposun estetikası ilə romanın etikası arasındakı dialektin qarşılıqlı təsirindən bəhs edir. Azərbaycanın orta əsr “Kitabi-Dədə Qorqud”u timsalında bu məqalə dağıcı tarixi hadisələrin mifoloji sahəyə təsirinin nəticələrini öyrənir. Zədələnmiş epik bütövlüyün bərpasına duyulan ehtiyac bütün tarixi işğallara müqavimət göstərə bilmək üçün qəhrəmanı öz intellektual – analitik bacarıqlarını nümayiş etdirməyə sövq edir. Estetik problemlər və etik yanaşma epik əsərin əsas qəhrəmanını belletrik surətə çevirir. Romanın janrı epik münaqişənin daxilində yaranır. Yeni dövr analitik romanı öz poeziyasında dünyanın epik statusunda itirilmiş cənnətinin təsviri üçün eposa çevrilir.

Açar sözlər: *Epik estetika, mifologiya, tarixi, təbiət, cəmiyyət, eposun estetik poetikası.*

Aleksandr Bondarev

“The Book of Dada Gorgud”: Aesthetics of Epos and Ethics of Novel

Abstract

The article envisages the dialectic interaction between epic aesthetics and novelistic ethics. On the example of Azerbaijani Middle Age poem “The Book of Dada Gorgud” the article studies the consequences of destructive historical events intrusion into the immutable mythological space. The vital necessity to reconstitute the shaken epic integrity prompts the hero to demonstrate intellectual analytical ability in order to resist the invasion. However, ethic approach to the aesthetic problems transforms epic protagonist into novelistic character. The genre of the novel germinates within the epic conflict. The New Times analytical novel turns towards epos for drawing in its poetics the lost paradise of epic status of the world.

Key words: *epic aesthetics, Mythology, History, Nature, society, aesthetics poetics of epos.*
